
Кристина Юраш
Я - богиня
любви и содрогания

Кристина Юраш

Я - богиня любви и содрогани

https://litres.ru/74816988
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня затянули в зеркало и назначили богиней любви! Без инструкции, без предупреждения и почти без верующих. А если последний поклонник разуверится в моей божественности, мне конец!

Но это ещё цветочки.

Император Эзра, мужчина с убийственным взглядом и мечом наперевес, уже разрушил почти все мои храмы. У него ко мне старые счёты: прежняя богиня что-то ему обещала, а теперь у меня остался месяц, чтобы выполнить договор.

Какой договор?! Понятия не имею! Даже волшебное зеркало молчит!

Придётся срочно устраивать чужое счастье, спасать собственную божественную шкуру и держаться от императора подальше. Ведь этот опасный красавец уничтожил богов, а любовная магия на него не действует.

И всё бы ничего, если бы однажды он не посмотрел на меня так, словно ждал всю жизнь...

Вот только что он сделает, когда узнает, что я совсем не та богиня, которую он искал?

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Богиня ничего не хотела сказать!	11
Глава вторая. Богиня — беспредельщица	33
Глава третья. Выполнить и наложить!	59
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Кристина Юраш
Я - богиня любви и содрогани

Пролог

Огромные ворота распахнулись. Жрицы в розовых хламидах застыли на месте, с ужасом глядя на зловещую черную тень, которая надвигалась на них.

— Богиня! Богиня! — зашептали жрицы, боязливо пятясь к статуе. На розовых колоннах плясали отблески жадного призрачного всепоглощающего пламени. — Спаси, защити нас! Умоляем! Богиня! Ты слышишь нас?

Луч света падал на величественную статую красавицы в мраморных одеяниях, которая распростерла руки, словно желала обнять весь мир. С ее красивых плеч струилось белое одеяние, спадая на пол каменными складками, которые утопали в цветах. У подножья, на мраморном постаменте с розовыми прожилками, лежали цветы и сверкающие драгоценностями дары. А вдоль стен стояли изваяния влюбленных, которые обнимались, целовались и держались за руки. Каждая статуя была украшена венком из живых цветов, а вместо сердца у каждого влюбленного было небольшое отверстие, в

котором горела яркая розовая свеча, которую зажигала лучиной младшая из жриц каждый вечер.

— Что будет? — дрожащим голосом спросила маленькая белокурая жрица, роняя на пол свечу и лучину, а ее подруга обняла ее за плечи и прошептала: «Тише, Леора... Не бойся... Богиня защитит нас...»

Призрачное пламя пронеслось по полу. Из рук одной из жриц выпал кувшин с розовой водой и разлетелся на тысячу осколков. Она испуганно пятилась к статуе, глядя на осколки, на которые легла та самая страшная тень.

— Как вы смеете? Это же священное место! Это же кощунство! Убирайтесь прочь! — закричали жрицы, с ужасом видя, как в храм ворвался черный всадник на огромном вороном коне. Конь чудовищно хрипел, роя копытом розовую мозаику пола, а потом встал на дыбы, пронзительно заржав, и с ужасающим грохотом опустился на передние ноги. Мраморные плиты, устланные лепестками роз, пошли трещинами под его копытами. Лепестки разлетались в стороны, словно бабочки.

— Это же храм богини любви! — послышался жалобный голос одной из молодых жриц, высунувшейся из-за колонны. — Проявите почтение! Богиня не любит, когда ее покой тревожат! Снимайте обувь... Мы тут босиком ходим... И шлем... Богиня должна видеть ваше лицо, если вы пришли помолиться...

— Я не собираюсь ей молиться. Пусть она мне молится,

— произнес страшный голос, а огромная рука всадника обнажила черный меч. — Любви не существует.

— Так бы сразу и сказали, что насиловать будут, — вздохнула старая жрица, укладывая свежие цветы у подножья статуи и глядя на седока оценивающим женским взглядом. — Пять лет не насиловали! Уж думала, не доживу!

— Молчать! — резко заорал всадник, пока дрожащие от страха жрицы прятались за колоннами из розового мрамора. На полу валялись брошенные букеты и венки... Он едва ли сдерживал коня, который рвал удила и выдыхал пар.

— Здесь приказы отдаю я! Уничтожить здесь все! — Всадник с грохотом спешился, лезвие меча сверкнуло, преломив яркий луч света. В абсолютной тишине он медленно шел к пьедесталу. Его тяжелые шаги отдавались гулким эхом во внезапно притихшем храме. За ним стелился черный, рваный плащ, подметая дорожку из лепестков. — Храм сжечь! Хватит! Надоело! Мое терпение не безгранично!

В храм влетел целый вооруженный отряд, с грохотом опрокидывая священные сосуды, ударами мечей навсегда разлучая влюбленные статуи. Они рубили мрамор, сбрасывали цветы и венки. Обломки статуй разлетались по полу, хрустя под ногами.

— Раз, два, три... Эх, — вздохнула старая жрица, глядя на воинов, один из которых опрокинул каменную чашу с лепестками роз. — Больше пяти не осилю...

Жрицы жались друг к дружке, прятались за колонны, по-

ка по ступеням текла розовая вода, а в ней тонули цветы и лепестки. Дары были сброшены с пьедестала, сметены и растоптаны. Черный воин в шлеме с забралом, на котором был запечатлен оскал хищного зверя, тяжелой поступью шел к статуе в абсолютной тишине. Он пнул с дороги осколки каменного сердца, отмечая лезвием меча свой путь. Казалось, свет померк в тот момент, когда он подошел к статуе, голову которой украшал венок из цветов.

— Ну? Как тебе такая молитва! — усмехнулся он, снимая шлем и тяжело дыша. — И где ты, богиня? Неужели ты настолько труслива? Отвечай!

— Красивый, — вздохнула старая жрица, глядя на черные волосы и бледное лицо, словно высеченное из камня. — Старшим нужно место уступать! Руки к нему не протягивать!

— Помогите! — пискнул кто-то из жриц, пытаясь собрать цветы с пола. — Храм грабят! Разоряют! Богиня! Защити нас! Спаси!

— Правильно. Зовите ее! Пусть немедленно явится сюда! — надменно произнес воин, пока его слуги бесцеремонно вытаскивали жриц из их убежища. — Вызывайте ее, как хотите!

— О, защитница! Явись к нам! — простонали жрицы, упав на колени перед статуей. Они тянули руки к каменной красавице, которая так и оставалась безмолвной и глухой к их мольбам. — Явись к нам и защити нас! Молим тебя, о

любовь! Явись к нам!

В абсолютной тишине послышался страшный смех, пока жрицы сидели на коленях, глядя на разбросанные на полу драгоценности — подношения. Внезапно леденящее душу веселье оборвалось.

— Я пять лет строил храмы в твою честь, — послышался зловещий голос, заставивший всех вздрогнуть. — И вот она благодарность? Последний срок прошел, и мое терпение закончилось! А когда у меня заканчивается терпение, у кого-то начинаются большие неприятности! Считаю до трех. Раз...

— Богиня, богиня, явись к нам! — исступленно шептали жрицы, чуть не плача и простирая руки к статуе. — Почему ты нас покинула? Мы служили тебе верой и правдой! Мы приносили тебе самые лучшие дары! Богиня! Не бросай нас!

— Два, — надменно произнес голос, а следом послышался тяжелый вздох. Рука в черной перчатке сжала меч, а на красивых губах появилась странная улыбка. — Учти, это — твой последний храм! И я сожгу его дотла, как и все остальные!

— Остановись! — послышался взволнованный женский голос, а кто-то из жриц заплакал от счастья, прижимая руки к груди. Статую озарил розовый свет, а сверху на жриц посыпались лепестки роз. Они плакали и кружились в розовом сиянии. — Я прошу тебя, остановись! Я помню про свое обещание!

Рука в черной перчатке поймала один лепесток. Он ле-

жал на огромной ладони, пока остальные осыпали радостных жриц и заметали статую.

— Я — богиня любви, я не забываю про свои обещания! — Женский голос тут же стал увереннее. На секунду она прокашлялась и продолжила: — Просто... тебе нужно еще немного подождать! Ты не готов принять мой дар!

— Я тебе не верю! — Рука в черной перчатке сжалась в кулак. Лепестки оседали на его плечах и черных волосах. — Я не верю ни единому твоему слову.

— Ну потерпи немного! — ласково прозвучал голос, а статую озарило сияние. Снегопад лепестков прекратился. — Почему ты такой нетерпеливый? Я помню про наш уговор. Ай! Лепестки кончились! Сейчас-сейчас! Одну минутку! О!

Лепестки снова хлынули откуда-то сверху. Ветер, который врывался в раскрытые двери храма, поднимал их и уносил прочь.

— Хорошо. Даю тебе еще месяц. Но это последний срок! Если через месяц ты не выполнишь свое обещание, я уничтожу не только храмы, но и твоих адептов! Я запрещу молиться тебе! И стоит где-то появиться твоему храму, считай, что от него остались одни руины и пепелище! Я ни разу не дал повода усомниться в моих возможностях, — негромко произнес голос, а мятый лепесток с его ладони упал на пол. — Ты меня поняла?

— Ты, главное, не волнуйся! — радостно произнесла статуя, а снегопад лепестков прекратился. — Одну минуту!

Сейчас! Так, где у меня тут... А! Все нашла! Да что ж такое!

На статую снова посыпались лепестки, разлетаясь вокруг, поднятые порывом ветра. Они цеплялись за волосы, покрывали обломки чаш и статуй, скользили по разлитой по полу воде и поднимались вверх к красивому потолку.

— Еще месяц! И я клянусь тебе, что ты получишь то, что ты хотел! — ласково произнес голос, а сияние померкло. — Даю тебе слово богини! Честное божественное!

Глава первая. Богиня ничего не хотела сказать!

— Да фаф! Подофди! Фять минуф! — Я сплюнула зубную пасту, сбрасывая вызов на телефоне мокрыми руками. Я пристально смотрела на себя в зеркало, критично борозда взглядом каждый миллиметр макияжа. Это что у нас тут на щеке вскочило? Ох, ничего себе, Везувий! Ай! Больно! Ну ничего. Сейчас мы тебе устроим последний день Помпеи! Сейчас-сейчас! Где тут у меня штукатурка на все случаи жизни? Втираем — и оп! Красавица! Так, а это у нас что на подбородке? Показалось. Вот правой стороной мы поворачиваться на свидании не будем! Будем сидеть таинственной незнакомкой вполоборота.

Последнее время со свиданиями из интернета мне не везло. Одно из недавних рандеву напоминало ухаживания маньяка-тихушника. Местом встречи был выбран не самый многолюдный парк, где из аттракционов для интеллигентных людей был квест по поиску туалета. Зато народ попроще был лишен и этого скромного развлечения. Кавалер поджидал меня возле какого-то куста. «Иван!» — представился он. «Сусанин», — подумала я после того, как мы навернули шестой круг по парку. Мне честно предложили кофе из автомата. Руки замерзли, и я согласилась. На меня посмотрели,

как на буржуя, заняли у меня двести рублей на предложенный кофе, чтобы еще полчаса с азартом рассказывать про то, как наши героически продули в последнем матче. «Я не смотрю футбол! И вообще, мне пора! Я оставила включенный утюг на плите!» — вежливо сообщила я, глядя на мусорные обочины и честно ища урну. «Развелось тут засранцев!» — фыркнул Сусанин и бросил свой стакан под ноги. «Ходят, мусорят! Задолбали! Ты что? Уходишь? Тебе что? Не понравилось? Только честно!»

Буквально позавчера я сходила на свидание с одним профессором. С пылом фанатика в течение получаса мне читали лекцию про карданный вал. Сначала я честно пыталась вникнуть, но уже через десять минут я слышала примерно: «бла-бла-бла карданный вал... Бла-бла...ремень... бла-бла натянуть!», считая голубей, которые воркующим стадом паслись возле скамейки, лопая разбросанные семечки. Через десять минут моим двум высшим образованиям вынесли суровый вердикт. Последними словами ловеласа было разочарованное: «Тупая, как пробка! Ладно, пошли ко мне!» Я вот до сих пор думаю, кого бы к нему послать, но пока не придумала ничего лучше, чем сообщение «Спасибо. Прощайте».

Но сегодня все будет иначе! Он — просто мечта! Нет, правда! Умный, красивый, молодой, свободно говорящий на четырех языках, хорошо зарабатывающий и в переписке просто прелесть! Я красилась так, словно этот очаровательный, обольстительный красавец будет ползать по мне с лу-

пой, изучая каждую деталь! Эдакий Шерлок Холмс, выискивающий улики преступлений в виде царапины на лаке, зацепки на колготках и ниточке на платье. Не то чтобы я мысленно сыграла свадьбу, но уже несколько раз повторила про себя: «Мы случайно познакомились в интернете, а потом решили встретиться! Так начался наш незабываемый роман!»

— Я — богиня! — У меня чуть скупая слеза по щеке не потекла от умиления. Еще бы, два часа в ванной и три часа перед зеркалом из любой сделают настоящую богиню любви!

— Богиня? Отлично! — внезапно произнесло зеркало, когда я вытирала рот полотенцем. — То, что нужно!

Я прокашлялась, все еще чувствуя привкус зубной пасты во рту, глядя на свое отражение. Показалось? Внезапно зеркало помутнело, а из него высунулась рука, которая схватила меня за новое платье и потащила к себе.

— Э! — возмутилась я, перевернув стакан со щетками и уронив телефон на пол. Мои попытки дернуться и вырваться успехом не увенчались. Меня резко рванули на себя, а я потеряла равновесие. Я стояла перед зеркалом в абсолютной темноте, видя, как какая-то темноволосая девушка в розовой простыне подняла в моей ванной с пола мой телефон и с интересом его рассматривает.

— Поздравляю! Теперь ты — богиня! Я сдыхалась, теперь твоя очередь! — выдохнула она, осматриваясь по сторонам и остановив взгляд на моих постиранных трусах, парадной гирляндой украсивших веревочку. — Нет, ну вы только по-

думайте! Едва ноги унесла! Ладно, разберемся, что тут к чему!

Мой телефон зазвонил. Красавица удивленно посмотрела на экран, а потом как-то неуверенно провела пальцем.

— Эм... А!!! Зайди за мной! Хорошо, жду! — сладко ответила она, недоумевая и глядя на погасший вызов. — Кто это? Ладно, разберемся! А ты чего смотришь? Все! Теперь твоя очередь отгребать!

Она положила руку на зеркало и провела по нему, словно протирая, пока я билась кулаками в стекло, требуя выпустить меня обратно. Это как так получается? Что это такое? Куда бежать? Кому звонить?

Невидимая сила выбросила меня в какую-то комнату, а я упала на какие-то книги, тряпки и бумаги, с трудом понимая, что вообще происходит. В комнате царил настоящий бардак! Огромное зеркало пробежало серенькой ртутной рябью, и в нем на мгновение отразилась моя удивленная физиономия. Я сидела на полу, подозрительно осматриваясь по сторонам. Вокруг меня валялись розовые тряпки, бусы, бижутерия и книги. Под ногой лежала брошка и клочок бумаги. Пыль, огрызки и прочий хлам были свалены в кучи, а я помотала головой, пытаясь понять, что только что произошло. Я ничего не помню. Не помню, кто я, не помню, что делала несколько минут назад, не помню, почему и как здесь очутилась.

— Добро пожаловать, богиня! — заурчало зеркало сереб-

ристой рябью. — В тебя верят тридцать шесть человек! Из них два мужчины и тридцать четыре женщины. Основной возраст верующих...

— Погоди! — отдышалась я, вставая и стряхивая с ноги какую-то розовую тряпку, прицепившуюся к тапку. — Кто там в меня верит?

— Двадцать восемь человек! — отчиталось зеркало, заставив меня поднять брови. — Из них двадцать восемь женщин. Ноль мужчин.

Бред какой-то! Я приложила руку ко лбу, пытаясь прийти в себя и вспомнить хоть что-нибудь. Где-то послышалось мелодичное бренчание арфы, а я открыла глаза, глядя, как в зеркале отразилась надпись «Верующие взывают к вам!» Ниже появилось два светящихся кольца, с надписями «принять вызов» и «отклонить вызов». Я подошла к зеркалу, осторожно протянула руку и выбрала «отклонить».

— Количество верующих двадцать один человек! — обреченным голосом сообщило зеркало, и тут же снова пошло рябью. «Верующие взывают к вам!»

Хорошо, а что если нажмем «принять вызов», что тогда будет? Я опасливо провела рукой, на всякий случай делая шаг назад.

— Богиня ответила! — послышались взволнованные женские голоса. В зеркале отражались какие-то женщины в розовой одежде в каком-то розовом дворце с колоннами, а я молчала, глядя на статую, перед которой они падали ниц,

простирая руки. — Великая богиня любви ответила нам!

Перед глазами появилась картинка с розой и картинка с лучиками света. Ладно, давайте попробуем розу! Интересно, что будет? Послышались радостные голоса, а сверху на статую посыпались лепестки, вызывая феерический восторг у девушек в простынях. Как мало нужно женщинам для счастья! Девицы кружились в лепестках, танцевали, протягивали руки к статуе и смеялись, как пьяные. Я ткнула пальцем в светящийся шарик, а прямо на статую полился волшебный розовый свет. Ничего себе! Как красиво!

— Богиня! Богиня! Ты слышишь нас? Это мы — твои верные жрицы взываем к тебе! — прошептали девушки, затаив дыхание и глядя на статую. Они протягивали руки, словно пытаясь поймать маленькие блестки, которыми мерцал розовый луч. Я прокашлялась, а девушки в розовых простынях испуганно переглянулись.

— Ой, — как-то неуверенно произнесла белокурая девушка, глядя куда-то вверх. Жрицы снова уставились на статую, осыпаемую лепестками, которые летели откуда-то сверху, красиво кружась в розовом свете.

— А вы кто? — Я занервничала, вглядываясь в бардак вокруг статуи. Неподалеку валялась чья-то мраморная голова, из бархана лепестков торчала белая, надеюсь, мраморная, рука, у подножья лежал осколок какой-то чаши.

Внезапно из-за колонны вышла какая-то старуха в розовой хламиде, глубокомысленно поднимая палец вверх.

— Старшая жрица сейчас растолкует волю богини любви! Богиня вопрошает вас, кто вы такие, чтобы взывать к ней? Чисты ли ваши помыслы и сердца? Готовы ли вы принять истинную любовь, которую она дарует вам? — авторитетно произнесла старуха, вопросительно глядя на статую. Я не удивлюсь, если статуя кивнет в ответ. — И в слове каждом ее сокрыт смысл, недоступный нам, простым смертным! Кто вы? Кто вы такие, чтобы принять ее дар?

— Ёптить! — прошептала я, понимая, что они меня слышат. Как это убрать? Что тут нужно ткнуть, чтобы они меня не слышали?

— Ёптить — это слово, которое мы должны запомнить и хранить в сердцах! Это — первое слово, по которому вы поймете, что человек, стоящий перед вами, — ваша судьба! — благоговейно вздохнула старуха, а я нервно тыкала на все светящиеся точки, которые появлялись в зеркале, пытаясь убрать эту странную картинку.

— Как это убрать? — шепотом нервничала я, водя рукой по зеркалу и выискивая глазами ответ на свой вопрос. — Капец-капец-капец!

— Вы слышите ее голос! Ее голос несет любовь! Новая молитва, которую мы должны повторять каждый день. Молитва, в которой кроется вся любовь. «Ёптить! Капец-капец-капец!» Вдумайтесь в каждое слово! Ёптить — это любовь, которая поражает с первого взгляда. Капец — это

последующее развитие отношений! Какой глубокий смысл несет ее молитва, которую мы должны повторять неустанно, чтобы умилостивить ее! — торжественно произнесла старуха, поднимая руки вверх. На ее лицо падали свет и лепестки, пока девушки сидели с открытыми ртами и смотрели на нее. — Ёптить! Капец! Капец! Капец!

— Ёптить! Капец-капец-капец! — в едином экзальтированном порыве закричали они, поднимая руки вслед за старшей жрицей.

Я дотронулась до какого-то красного огонька, и картинка погасла, заставляя меня выдохнуть с облегчением. Сердце в груди колотилось, а я все еще пыталась прийти в себя и понять, что здесь вообще происходит!

— Количество верующих составляет тридцать человек! — сообщило зеркало, а я ткнула в него пальцем, не желая слушать, откуда взялись новые люди, которые в меня внезапно поверили. Зеркало снова помутнело, подернулось серой поволокой, а оттуда послышался женский голос: «Помоги мне, богиня, подари мне любовь! Высокого, стройного, зеленоглазого, богатого, умного, смелого, храброго...

От греха подальше, я отошла от зеркала и осмотрелась вокруг. Мой взгляд упал на листок, прибитый шпилькой к стене.

— ... чтобы любил меня, чтобы я любила его, чтобы у нас было трое деток, чтобы не был скуп, чтобы осыпал меня подарками... — перечисляло зеркало женским голосом, преис-

полненным надежды.

Листок был стареньким, исписанным странным почерком. И буквы были какие-то непонятные. Я присмотрелась, видя, как они расплываются и становятся знакомыми: «Правила богини. Правило первое. Никому не говорить, что ты — богиня! Правило второе. Если в тебя перестанут верить, ты умрешь. Правило третье. Ты не имеешь права применять силу для того, чтобы в тебя влюбились. Правило четвертое. Твоя сила растет в зависимости от того, сколько людей в тебя верят. Правило пятое. Не нарушай четыре правила и делай что хочешь!»

— ... чтобы на руках носил, не пил, не ругался, все мне прощал, был добр ко мне, уважал, — монотонный бубнеж, доносившийся из зеркала, уже действовал мне на нервы. В груде мусора валялись какие-то книги в пестрых обложках. Буквы расплывались и превращались в знакомые. На обложках книг в весьма многообещающих позах расположились полуголые парочки, страстно лобзаясь и закатывая глаза от нахлынувшего экстаза.

Я осмотрелась по сторонам, подняла одну из книг и открыла ее на первой попавшейся странице с закладкой.

«Дик снял трусы и подошел к ней, держа свое орудие наперевес. Марта была не готова к такому повороту событий, но Дик вбежал в нее с разбега, вгрызаясь зубами в ее ухо. Стоило ему только пососать ее мочку, как Марта растаяла и обняла его могучие плечи, готовая отдаться со всей страстью

на милость победителя. Дик рычал, стонал, и звериная старость одолевала его. Нежные девичьи груди Марты ритмично колыхались на весу...».

Я прокашлялась, пытаясь понять, для чего всё это здесь. «Ты куда разбежался?» — спросила бы я на месте Марты, понимая, что ее ждет незабываемая ночь любви. Мужик, берущий разбег для столь важного мероприятия, начинал мне нравиться своей ответственностью. Не знаю, как она, но я бы в последний момент, глядя на мужика с орудием наперевес, резко отошла бы в сторону. А потом долго смотрела, как он гладит раненного об стену бойца. Или заколачивает дырку в стене. Тут все от мужика зависит! А вот, глядя на звериную старость, Марте следовало бы задуматься. «Это был лучший мужчина в моей жизни!» — могла бы сказать Марта, роняя скупую слезу и хороня мужичка-хомячка.

Заинтригованная столь внезапным просветлением, я взяла следующую книжку, на обложке которой слились в экстазе два потных полуголых разнополых тела. Половина мужской груди была почему-то выбрита, а другая напоминала махровый коврик для ванной. Книга открылась на первой попавшейся странице, с замусоленным уголком. «Эдуард был неумолим! Он вошел в нее, как входит победитель в осажденную крепость! Он повернул к ней лицо, но тело развернулось в другую сторону! Бедняжка все еще пыталась вырвать и убежать, уверяя, что невинна, как майская роза. Джейн выворачивалась, но Эдуард целовал то ее колено, то

живот, то спину, то затылок, ненасытно впиваясь в ее губы. — О, нет Эдуард! Я все еще девственница! — кричала она, пока у нее был занят рот. Эдуард упал на колено, но Джейн отшатнулась, оторвав свою руку. — Будь моей женой! — заорал Эдуард, побежав за нею на коленях по лестнице резвым жеребцом...»

Я проморгалась, пытаясь понять, чем именно кричала Джейн, если у нее был занят рот, и на секундочку представила, как мужик резво бежит за девушкой на коленях. Прямо не бежит, а скачет. Только вот интересно, галопом или аллюром?

Еще одна книга лежала раскрытой, обложкой вверх. На ней хлипкий мужичок нес красавицу в сторону зрителя. На лице мужика читалось: «Не понравилась, дайте другую!» Нука, а что у нас здесь?

«Чарльз бросил Мэри на кровать, а она глухо застонала. Он лег сверху, слыша, как она страстно стонет на полу! — Тебе хорошо? — спросил Чарльз, глядя в ее побледневшие глаза и в открытый рот!»

Недолет, перелет, недолет! По своим артиллерия бьет! С криком «Па-а-аберегись!» некий Чарльз бросает свою Мэри, но не добрасывает до кровати. А потом, еще главное, интересуется, глядя на ее ушибленный попинс, хорошо ли ей? Но меня почему-то больше интригует, что он хотел найти у нее во рту? Какие признаки страсти таинственный Чарльз хотел там разглядеть? Воображение, успокойся, не надо так

со мной! «Ты что ела? Открой рот пошире!» — заглядывает любопытный мужик, пристально прищуриваясь. «Ой, а у тебя там кариес!» — замечает он с профессиональным интересом, не забывая при этом заниматься процессом.

«Он достал своего змея. Змей обрадовался новой норке и тут же юркнул в нее! Его змей любил теплые и просторные норки, в которых до него еще никто не побывал! — Ты еще здесь? — томно прошептал он, целуя ее живот!»

Нет, не здесь, дорогой акробат. Ушла в другую комнату. Погоди немного, сейчас вернусь! Пять минут! Сейчас попью водички и снова приду!

Я деликатно положила книгу на место, глядя на скривившуюся, как при остром приступе аппендицита, даму на обложке в объятиях мелкого, но очень страстного кавалера.

Может, прибраться? А то тут такой бардак! Так понимаю, что здесь я живу.

— ... чтобы был верным и никогда не изменял, чтобы не гулял с дружками, не заглядывал под юбки, — перечисляло зеркало, пока я пыталась хоть немного разложить вещи.

Я с любопытством рассматривала какую-то розовую ткань, которая валялась под книгами, а по полу забарабанили слетевшие с нее бусины. Чего тут только нет!

— ... и чтобы там была родинка! — закончило зеркало, подражая женскому голосу. Послышался тяжкий вздох. — Я очень прошу тебя, богиня! Пошли такого мужика!

Послать-то я пошлю, но не факт, что дойдет. Знаешь,

сколько на такого кандидаток налетит! Я вытащила пыльную подушечку с сердечком, еще одну книгу, где мужик-осьминог пытался что-то сделать с похотливой русалкой, пластинчатый браслет, у которого не хватало нескольких камней. Что это? Откуда здесь весь этот хлам?

— Молю тебя, о великая богиня! Милости твоей прошу! — не умолкало зеркало, а я подошла к нему и ткнула пальцем в какую-то розовую штуку, в надежде, что оно заткнется.

— Все! Голова болит! — отмахнулась я, но тут же услышала: «Вы услышали молитву!»

— И что? — удивилась я, вытаскивая еще одну пыльную книгу с закладкой «Мой любимый женатик». Ничего, книги я потом почитаю. Надо бы все здесь разложить. Кстати, а где здесь туалет? Или богини делают это радугой? Я заприметила маленькую дверь, которую со скрипом приоткрыла. Отлично! На полу валялись какие-то банки-склянки, в раковине просыпаны какие-то блестки, а в одной из коробочек застыл плевок крема, пахнущий розами.

Я осторожным голубем застыла над журчащей чашей, тревожно осматриваясь на предмет мужиков, которые любят брать большой разбег, пользуясь спущенными женскими трусами.

— О, дорогая богиня, — слышался взволнованный голос просительницы за дверью. — Я всегда верила в вас! Я с детства верила в вас! Теперь я буду молиться вам и днем, и ночью, только бы мое желание сбылось!

— Давайте, вы не будете мне угрожать! — тихо простонала я, чувствуя, как гудит ничего не соображающая голова.

— Вы услышали молитву и должны сообщить об этом! Она ждет ответа! Говорите! — послышался голос зеркала из комнаты, пока я пыталась перебраться через завал. Я запуталась ногой в ткани, пытаясь ее стряхнуть, поскользнулась на бусинках, проехала пару метров и с грохотом приземлилась на спину.

— Да чтоб тебя! — простонала я, понимая, что лежу посреди комнаты, раскинув руки и тихо постанывая. Локоть гудел, копчик отваливался, а голова кружилась от внезапного потрясения.

— Вы меня услышали, богиня! — обрадовался голос, а я честно собиралась помирать, нервно сглатывая. Либо я, либо эти мерзкие обои в сердечко... — Не молчите, богиня! Умоляю вас! Дайте мне знак, что мое желание сбудется!

Я пыталась подняться, потирая ушибленный локоть и спину и мысленно выгуливая весь нецензурный словарный запас на поводке строгой морали.

— Все хорошо, — елейным голосом ответила я, сквозь стиснутые зубы проверяя, не отвалился ли гудящий локоть. — Не переживайте!

— Спасибо! Я буду молиться вам день и ночь, пока не получу то, о чем просила! — обрадовался женский голос, восторженно шмыгнув носом. — Примите мои скромные дары!

— Принимаю! — кивнула я, не глядя, разминая локоть и

тряся онемевшей рукой.

Я только-только села, отталкивая ногой груду хлама, как тут же получила леща от огромного леща, брошенного мне из зеркала. Пока я отходила от первого удара судьбы, отодвигая подальше еще живую рыбу с серебристой чешуей, мне на голову приземлилась шкатулка, заставив мир перед глазами на секунду потемнеть.

— Но это еще не все! — нервничал женский голос, пока я потирала ушибленную макушку, сумрачно глядя на пустую, некогда красивую шкатулку с предварительно отковырянными камнями. Что-то мне подсказывало, что нужно отползти в сторону, и я ползла, с ужасом поглядывая в сторону зеркальной глади.

— Ваш любимый цветок! — восторженно произнес женский голос, а в меня полетел горшок с какой-то цветущей колючкой, заставив меня резко окопаться за грудой хлама, переводя дух.

Через мгновение послышалось мычание. Я выглянула и увидела коровью морду, которая упорно пыталась пролезть ко мне. Кто-то усиленно заталкивал ее в мой бардак.

— Все, спасибо, — занервничала я, выбираясь из своего убежища и пытаясь вернуть корову обратно. — Первых даров было вполне достаточно! Корову можете оставить себе!

— Му-у-у! — обиженно мычала буренка, глядя на меня круглыми глазами просветленного, видевшего богиню. — Му-у-у!

Еле-еле мне удалось запихать ее обратно, а потом сползти вниз по стене, чувствуя, как у меня дергается глаз и трясутся руки.

— Ой, богиня не приняла дар! — захныкал женский голос, но тут же воспрянул духом. — Как же так? Богиня не приняла мой дар! Она гневается на меня! Простите, богиня! Я вас умоляю!

Я отвернулась, тяжело дыша, ногами пытаясь раздвинуть груду раздражающего мусора, а после мгновения подозрительной тишины почувствовала, как в глазах все темнеет от удара по темечку.

— Этот камень всегда приносил мне удачу! Возьмите его! Только не гневайтесь! — Это было последнее, что я слышала перед тем, как рухнуть вниз.

С трудом разлепив глаза, я поднялась, чувствуя на голове огромную шишку. Неподалеку валялся массивный булыжник, который теперь должен приносить удачу мне.

— Дорогая богиня, число верующих в вас критически низкое, — заметило зеркало голосом, словно уже прощаясь со мной. — Вы снова обещаете и не выполняете обещаний?

— Что значит «снова»? — удивилась я, прикасаясь к зеркалу и потирая шишку. — Хорошо, найди мне того, кто нужен!

— Не могу! Вам нужно самой задавать параметры! — возразило зеркало, пока я тяжело дышала и трясла головой.

— Хорошо! Покажи мне всех брюнетов с зелеными гла-

зами! — приказала я, глядя, как передо мной выстраивается огромный список имен, проматываясь вниз еще на пару километров. — Хорошо, оставь тех, кто не женат!

Список подсократился, пока я смотрела на сверкающие имена, которые не говорили мне ровным счетом ничего.

— Хорошо, оставь только высоких! — сопела я, глядя, как список сокращается. — И тех, кто не пьет!

Осталось сорок имен, которые полностью уместились в зеркале.

— А теперь... — Я закусила губу, вспоминая все требования. — Оставь тех, у кого есть родинка в нужном месте и кто богат!

— По вашему запросу ничего не найдено! — сообщило зеркало, а я тут же потребовала вернуть все обратно. Я ткнула в первое имя, глядя на красавца-брюнета в дорогой одежде! Над головой у него была надпись: «Занято!!!»

— Он уже влюблен! — строго сообщило зеркало, пока я любовалась красивым профилем. — И даже помолвлен! У него через четыре дня свадьба!

Я тыкала все имена подряд, проверяя каждого, и тут увидела очень достойного кандидата! И красив, небеден, выглядит солидно, не занят!

— Его! — обрадовалась я, а передо мной в зеркале развернулась огромная карта мира, на которой четко обозначились две точки в разных концах какой-то необъятной империи.

— Между ними пять тысяч лиг!!! — реально обалдело зеркало, показывая предполагаемый маршрут. — Это двадцать дней пути!!! Давайте поищем кого-то поближе!!!

— Ничего, молодой, дойдет! — обиженно вздохнула я, критично разглядывая кандидата, который о чем-то спорил с каким-то кивающим стариком. — Так, осталось его послать! Как это сделать?

Я вошла в раж, глядя на то, как мужик, еще не осознавая того, что в ближайшее время потопает на другой конец страны, спокойно отдавал какие-то указания слугам.

— И как мне его послать? — спросила я у зеркала, глядя, как мужик укладывается спать в большую роскошную кровать.

— Явитесь к нему во сне и скажите, куда ему нужно идти и зачем! Перед тем как пронзить его сердце любовью, он должен увидеть объект любви! — посоветовало зеркало. — Подумайте, ему придется идти за любовью на край света! Пройти через мерзлые земли... Ой! Вас опять вызывают.

Послышался знакомый надоедливый голос: «Богиня, я, конечно, не хочу усомниться в вашей силе, но пять минут прошло, а его нет! Где мой красавец? Где он?»

— Да подожди ты! Через двадцать дней твой мужик будет в вашем городе! — возмутилась я, а зеркало тут же притихло. Мой живот издавал звуки умирающего дракона.

— Он уснул! Можете попробовать явиться к нему во сне! У вас должно хватить сил! Пока в вас еще хоть немного ве-

рят, вы можете посещать сны людей! Но я бы на вашем месте не стал его посылать. Ему придется пройти через Ветреный перевал, через Мерзлые Земли, полные опасностей... — произнесло зеркало.

— Отлично! — согласилась я в надежде, что от меня отвяжутся. — Зеркало! Покажи мне весь его путь!

Через минуту я стояла в розовом тумане чужого сна с целым списком вещей, которые могут пригодиться в столь долгом и опасном пути.

— Короче, мужик! — начала я, прокашлявшись и глядя на офигевшего героя, который потерялся в розовом тумане. — Смотри! Тебе срочно нужно в Стормгард! Ты меня понял? В Стормгард! Там тебя ждут! Смотри! Одеваешься теплее! Берешь с собой две палки...

— А для чего? — поинтересовалась жертва, блуждая в розовом тумане. — Кто вы?

— Не перебивай! Тебе же надо как-то по пути ходить в туалет? Там лес, волков много. Я проверила. Одну будешь вбивать в землю, а другой отбиваться! Берешь с собой топор! Мало ли? Дров нарубить, костер развести! В Мерзлых Землях в туалет ходить проще будет! — перечисляла я, сверяясь со списком. — Берешь с собой шкуры, меч... Что-то я тут написала, понять не могу! Да помолчи ты! Достал уже «кто вы»? Слушай дальше! Через двадцать дней ты должен быть в Стормгарде!

— Я не собираюсь в Стормгард! — удивился мужик, плу-

тая в розовом тумане с закрытыми глазами.

— Не поедешь — пеняй на себя! Когда у тебя был последний секс? Вспоминай и знай, что он был последний! — строго ответила я, глядя, как мужик начинает протестовать. — Завтра с утра выдвигаешься! Счастливого пути!

Туман рассеялся, а я стояла перед зеркалом, тяжело выдыхая и глядя на то, как мужик просыпается в своей постели в холодном поту и зовет слуг.

— Из-за того, что вы в последнее время пренебрегали своими обязанностями, в вас верит очень мало людей. Сейчас численность верующих в вас сократилась до десяти! Это — самый низкий показатель за всю историю! — озабоченным голосом произнесло зеркало. — Вам нужно что-то делать! Когда в вас перестанут верить, вы умрете!

— Да что ж такое!!! — возмутилась я, чувствуя, как начинаю нервничать. Все! Неприятностей с меня достаточно!

— Стоит посмотреть обещания, которые вы давали в обмен на дары! И которые не выполнили! — продолжало менторским тоном зеркало, выводя такой список, от которого я решила принять смерть достойно. — Эти люди когда-то верили в вас, но сейчас уже не верят... Они считают, что вы их обманули...

— Я, между прочим, есть хочу! — возмутилась я, оглядывая дары на предмет съестного.

— Увы, количество верующих настолько низкое, что вы не сможете поговорить даже со жрицами, — вздохнуло зер-

кало. — Пока что вам доступны только сны...

Я сопела и думала, как правильно поступить, нервно расхаживая по комнате и пиная мусор под ногами.

— А никто там еще не молился? — спросила я в надежде, что не придется бегать по снам.

— Увы, нет! Ночью храм закрыт, — вздохнуло зеркало. — Жрицы спят...

— Хорошо, сейчас все сделаем! — усмехнулась я, доставая огрызок бумаги и карандаш. — Список всех одиноких и знакомых между собой мужчин и женщин в радиусе трех километров от храма!

Так-так, это у нас чей сон? Неважно. Потом разберемся! Поехали!

— Дорогая моя! — инфернальным голосом произнесла я, глядя на рыжеволосую девушку с веснушками, которая мыкается и не находит себе места в розовом тумане. — Суждена тебе любовь! Слушай и запоминай! Судьба твоя — светловолосый парень из деревни! Он не очень богат, но...

— Что значит «не очень богат»? — с ужасом спросила девушка, оглядывая по сторонам и не видя меня. — А почему из деревни? Я хочу богатого, красивого, умного, нежного, который будет осыпать меня подарками, носить на руках!

Какая прелесть! Попробуем еще раз! В розовом тумане блуждал тот самый светловолосый парень из деревни, пытаясь понять, сон это или не сон! В руках у него был топор, что как бы намекало на то, что любовь здесь помнят и ждут.

— Дорогой мой! — нежно позвала его я. — Ждет тебя красивая, милая девушка с рыжими волосами, она работает прачкой! Вот ее образ... Запомни его!

— Какая прачка? Я хочу богатую, красивую, умную, нежную, чтобы была девственницей, но при этом опытной любовницей! — перечислял мужик, а я задумчиво смотрела на свой список. — И чтобы готовить умела, и долги мои выплатила, и дом мне купила, и с друзьями отпускала погулять, и слово поперек молвить боялась...

Я расстроенно выбралась из чужого сна, а зеркало голосом, словно прощается со мной, сообщило, что в меня верит всего пять человек.

Глава вторая. Богиня — беспредельщица

Сколько? Пять? То есть, всех верующих в меня можно перечислить поименно, загибая пальцы?

— Мне очень жаль, — скорбно заметило зеркало, пока я думала, как решить проблему и выйти из сложившейся ситуации. Пока что у меня складывались впечатления и полномочия, которые я плотно трамбовала в невидимый чемодан «Данунах». — Мне действительно очень жаль... Я не знаю, чем вам помочь! И вряд ли уже кто-то сможет помочь! Это — критический уровень веры. Я с таким никогда не сталкивался.

Я стояла и смотрела на розовую ткань, поверх которой валялась очередная книженция с обнаженной девушкой, которую обнимает крупный мужик с перепуганным взглядом «Кто здесь?» Я подняла ее за хлипкий переплет, отряхнула от бусин, глядя на счастливую женщину, прикрывающую интимные части тела букетом цветов. «Мой тайный любовник» — красовалось на обложке, а я задумчиво открыла последнюю страницу.

«Луиза бежала и падала, но Альфред бежал за ней! Он нагнал ее на самой опушке леса, скрипя губами и зубами от страсти. Альфред прижал Луизу к дереву, опустился на коле-

ни, поднимая ее юбку. Из мокрого дупла на Альфреда смотрела любопытная белка. — Так это ты дарил мне те цветы!... КОНЕЦ»

— Покажи мне, где растут самые красивые цветы! — потребовала я у зеркала, вытаскивая кисейную розовую ткань из груды мусора. Я уселась на пол, перебирая хлам и откладывая все, что может мне пригодиться в моем коварном плане. «Вот!» — произнесло зеркало, показывая роскошный цветущий сад, на заднем фоне которого виднелись внушительные зашторенные окна какого-то дворца. Розовые кусты чередовались с целыми аккуратными клумбами, напоминающими цветочный ковер.

— Отлично! — усмехнулась я, потирая ручки. Ничего-ничего! Скоро в меня поверят все! — Мне нужно туда! Можешь меня перенести? Или как мне туда попасть?

— Богиня, лучше не надо! — взмолилось зеркало, пытаясь убрать картинку подальше от моих горящих надеждой глаз. — Это же императорский сад при императорском дворце! Вы же не хотите неприятностей? Одумайтесь, умоляю!

— Поверь, будут давать неприятности, я их не возьму! — пожала плечами я, требуя вернуть картинку обратно. Либо посадят новые цветочки, либо меня. — Как я смогу вернуться обратно?

— Только через зеркало! Подойдете к любому зеркалу, коснетесь его и вернетесь обратно! — вздохнуло зеркало, понимая, что отговаривать меня бесполезно. — Вы что заду-

мали, богиня? Вы точно уверены, что это правильное решение? У вас с Императором и так натянутые отношения!

— И кто кого, простите, натягивает? — удивленно поинтересовалась я, жадно глядя на море цветов. — Ему что? Жалко подарить мне букетик? Скромный маленький императорский букетик? Я же многого не прошу!

— Хорошо, я попробую сделать вас невидимой, — согласилось зеркало, когда я уже шагала в него. — Надеюсь, что он вас не заметит!

Ага! Прямо вижу, как император лично сидит в кустах и караулит свой сад!

— Это противозаконно! — возразило зеркало, у которого наступил момент просветления.

— Нам, богам, закон не писан! — огрызнулась я, а зеркальная гладь превратилась в яркую картинку, в которую я опасливо шагнула. Дворец спал большей частью окон, мне в лицо пахнул свежий ночной ветерок. Он всколыхнул целое море прекрасных цветов и нежно прошуршал веточками кустиков. Где-то усиленно выпиливал однообразную серенаду одинокий сверчок, возле дворца слышались голоса караульных, чьи силуэты я видела на фоне горящих окон первого этажа. Ветер шелестел листьями и цветами, а я вдыхала невероятный, головокружительный и сладкий аромат своей гениальной идеи.

— Он вообще на меня молиться должен! Я, между прочим, богиня! А если будет возмущаться, то тут же сменит не

только политическую, но и ориентацию в целом! — успокоила свою совесть я, прикасаясь пальцами к нежным лепесткам, подернутым ночной росой. Глаза разбегались от разнообразия, а я даже не знала, откуда лучше рвать!

«Богиня! У вас нет совести!!!» — орало зеркало в голове.

— Слушай, мух! На какую бы кучку ты слетел? — поинтересовалась я, прижимая к груди первую, вырванную с корнем добычу. Маленький букетик? Что вы! Он же император! Поэтому букет должен быть императорским! Не думаю, что он дарит своей возлюбленной три чахлые ромашки! Мне показалось, или на третьем этаже, в правом горящем окне, виден чей-то силуэт? Я присмотрелась, а потом вздохнула, понимая, что показалось. Продолжим!

Я радостно сгребла охапку цветов и спокойненько направилась в сторону дворца, возле которого стояли два суровых стражника в тяжелых черных доспехах и шлемах. Они принюхались, подозрительно глядя друг на друга.

— Эй, левый, это ты на дежурство цветочными духами облился? Кого ты тут соблазнять решил? — поинтересовался правый у левого. Так, господа валенки, подвиньтесь, а то нескромная девушка со скромным букетом не может пройти в дверь.

— Нет! Откуда? Я в городе не был уже пять лет! — ответил левый. В шлеме послышалось сопение. — Да, вроде не пахнет!

— А по-моему, пахнет розами! — снова принюхался пра-

вый к левому. Два мужика, которые радостно обнюхивают друг друга, произвели на меня неизгладимое впечатление. Особенно, если учесть, что на каждом из них был шлем-котелок.

Я толкнула ногой чужую дверь, мысленно здороваясь. Кто ходит в гости по ночам, тот поступает мудро! И неизвестно никому чего не будет утром! Огромный мрачный зал встретил меня со всей гостеприимностью тускло горящих свечей и чьего-то заливистого храпа в уголке. Только не говорите, что где-то на троне дрыхнет Император, изображая ночного соловья с гайморитом! Несколько цветков упали на каменные плиты, а я решила не наклоняться, чтобы их поднять. Ничего! Приберут!

Я подошла к большому солидному зеркалу в круглой раме, высвободила руку, дотронулась пальцами до стекла и почувствовала, как стекло расплывается. Отлично! Я погрузила туда цветы, а потом осмотрелась и жадненько собрала те, что потеряла по дороге.

До меня донеслись тихие голоса, а где-то скрипнула дверь.

— ... император бессмертен, — послышался обрывок тайного разговора. Видимо, там уже переминается с ноги на ногу очередь наследников отпечатка короны на голове, мозоли на попе и прочих императорских полномочий.

— Не говори глупостей, — произнес второй голос, а храп в уголке резко прекратился сонным «Стой, кто идет?» Через пару минут тишины ночной соловей решил продолжить

свою серенаду. Теперь можно идти! Осталось найти бумагу, ножницы и перо! Я, конечно, уважаю старенького Императора, и искренне надеюсь, что он страдает склерозом и маразмом, а потому пропажу стопки бумаги не заметит.

Бредя по мрачному коридору чужого дворца, я открывала двери одну за другой, засовывая в каждую свой любопытный нос.

— Призрак!!! Призрак!!! — заорала какая-то женщина, высунувшаяся из комнаты и глядя, как я открываю очередную дверь. — Караул! Привидение!!! Это — призрак убийцы!!!

— Почему сразу убийцы? В мире много хороших профессий, — обиженно заметила я, а потом подкралась к ней и протянула ей на ухо «Уууууу!!!», тихо хихикая в ладошку.

Визгу и воплей было столько, что тут же по коридору пробежала поднятая по тревоге стража. Я громко захлопнула дверь, а потом с протяжным скрипом, от которого нервные клетки скидывались на братскую могилу, снова открыла ее, наслаждаясь произведенным эффектом. Я едва могла сдержать смех, глядя на десяток вооруженных до зубов рыцарей, которые по-детски жались друг к дружке, понимая, что с привидением сражаться им еще не приходилось!

Я спокойно пошла дальше, вошла в одну комнату, стянула скатерть со стола и накинула ее на себя. Пока немодные привидения ходят в драных простынках, я очень модное привидение в цветочек! А что вы хотели? В каждом дворце долж-

но быть свое привидение!

— Аааааа!!!! — заорали стражники, пока я медленно шла в их сторону, инфернальным голосом поясняя, что умерла именно на том самом месте, где уже упал в обморок самый слабонервный стражник, выронив меч и щит.

— И даже в точно такой же позе! — с подвыванием добавила я, глядя на подвернутую под себя ногу служителя короны. А потом добавила: — Хотя нет, у меня была левая, а у него правая!

Оставшаяся часть стражи бросилась врассыпную, споткнувшись о павшего в обморок товарища. Часть из них с грохотом рухнула вниз, а я бережно накрыла их простынкой. Спокойной ночи, малыши!

Нет, богиней быть определенно здорово! Так, а у нас тут что? О! Чей-то кабинет! А почему дверь открыта? Непорядок! Я уже вошла без стука, алчно глядя на огромную стопку бумаг на огромном вычурном столе. Со стены на меня сурово смотрел насупленный старик, разодетый в шелка и бархат. Его Императорское величество! Извини, дедушка, очень нужно! Я потом тебе любовью внуков отдам!

Я уже схватила стопку, а потом услышала резкий голос, заставивший меня обернуться и выронить пару листов.

— Ёптить! — сглотнула я, не ожидая такого поворота событий.

— Ты что здесь делаешь? — Я видела в темноте высокий

силуэт, застывший в дверном проеме. — Я спрашиваю, как у тебя хватило наглости прийти сюда! Отвечай!

Я застыла, чувствуя себя слегка неуютно. В зеркале, которое висело на стене, отражалась стопка бумаги, висящая в воздухе, и разбросанные на ковре листы.

— Положи на место! — послышался недовольный голос с холодным металлическим оттенком. — Это документы государственной важности!

— Ой, извините! А где у вас лежат ножнички, чернильница и перо? Вас искренне просит очень маленькое привидение! — нежно заметила я, пытаясь рассмотреть незнакомца. — Погодите! Одну минутку! Сейчас-сейчас! О! Пожа-а-а-алуйста!

— Как ты разговариваешь с Императором!!! — возмутился силуэт. Ого! Кто может похвастаться тем, что его императорское величество зажало ему пару листиков бумаги и ножницы? А я могу!

— В вашем возрасте вредно нервничать! Я понимаю, что до туалета вы добегаете не всегда, поэтому не буду вас задерживать! Я тихонько пошуршу у вас! — успокаивала я, лазя по ящикам чужого стола.

— Да как ты смеешь! — процедил силуэт, когда я с грохотом задвинула очередной ящик, не найдя в нем ничего интересного.

— А побольше ножниц нет? — поинтересовалась я, глядя на маленькие золотые ножнички на дне следующего ящика.

— Если нет, придется резать этими! Вы куда там шли? Вот и идите! Если что — я вам приснилась! Если уж совсем все плохо, то представьте, что я была голой. Вас должно это утешить!

Отлично! Бумага есть, ножницы есть, чернильница-то... Ага! Какая-то гадость привинтила ее к столу. Огромная золотая чернильница с пером не хотела расставаться со столом, хоть убей. Я отковыряла ее ножничками, схватила перо и решила вежливо попрощаться.

— Мое терпение не безгранично! Намекаю! Оно уже закончилось! — Я вздрогнула, а в голосе слышалась такая сталь, что мне, пожалуй, нужно было бы испугаться. Так! Кто тут шел в туалет? Я или он? Вот если он будет так со мной разговаривать, то я могу и показать пример, как это делается! И далеко ходить не придется.

— Не надо орать, хорошо? Понимаю, что терпение уже закончилось, поэтому зовите слуг! Пусть вытирают лужу! Я тут при чем? — возмутилась я, положив руку на зеркало и войдя в него. — Всего хорошего! Если что я вам приснилась! Спокойной ночи!

Я очутилась в своей комнате, а зеркало скорбно молчало. На полу валялась охапка цветов, бумага, ножницы, ткань и полная чернильница с красивым пером.

— Ну что ж! — Я размяла пальцы, глядя на свое сокровище. Кто-то отделался журчащим испугом, а я — малой кро-

вью. — Приступим!

Я отрезала ткань, мастерила букет, а зеркало продолжало скорбно молчать. «Дорогая моя, бесценная моя! Я хотел признаться тебе в своих чувствах, но так и не осмелился! Твой тайный поклонник!» — вывела я на бумажке, складывая записку в букет. Первый букет пошел! «Мою любовь к тебе трудно измерить словами, поэтому я решил измерить ее цветами! Твой тайный поклонник!»

Восьмой букет спровоцировал жесткий словарный дефолт! Я открыла первую попавшуюся книгу, переписывая оттуда. «Вы так прекрасны и очаровательны, миледи! Вашим ноги так идут вашим глазам! Вы выгрызли мне сердце! Ваш тайный поклонник». Где-то похолодела нижняя чакра, пока я представляла добрую окровавленную и очень любвеобильную красавицу, которая намекает, что «любовь зла».

Ничего! Мне еще как минимум сорок таких записок нужно! Я перевязывала букеты цветными лентами, клала в них всю бижутерию, которая попадалась под руку, и записку, а потом складывала в кучку.

Через два часа уставший флорист сползал по стенке, глядя на все цветочное безобразие. Пора выносить мусор!

— Адреса всех одиноких девушек, живущих неподалеку от храма! — потребовала я у зеркала, кряхтя, как старуха. Я сгребла первую партию букетов и двинулась по маршруту. Вот радости-то будет! Я оставляла букет на пороге, стучала в дверь и направлялась по следующему адресу. И так все

пятьдесят раз. Домой я вернулась голодной и уставшей, найдя в доме последней девушки старенькое, засиженное мухами зеркало.

— Все! Спокойной ночи, — пробурчала я, падая от усталости на груду оставшегося хлама. Трудно быть богиней! Перед моими мутными глазами лежала раскрытая книга: «Твои волосы так замечательно пахнут! — прошептал Алекс, стоя перед ней на коленях и глядя на Анну снизу вверх». Беги, девочка, беги... Не то он у тебя нюхает... Я зевнула и уснула.

Проснулась я от того, что зеркало орет не замолкая. Я в панике вскочила на ноги, не зная, куда бежать, за что хвататься.

— Дорогая богиня!!! — наперебой кричали женские голоса, а на заднем фоне слышался голос старой жрицы, призывающей к порядку. — Дорогая богиня!!! Дайте ответ!!!

Я вздохнула и поковыляла в уборную, слушая через открытую дверь крики, вопли и мольбы.

— Богиня сейчас занимается важными божественными делами. У нее божественный экстаз! Ей не до простых смертных! Я вас умоляю, соблюдайте тишину! — кричал голос старой жрицы, а я мысленно поблагодарила ее за прозорливость. Но девочки не унимались, видимо, решив, что это — один и тот же очень щедрый и хитрый мужик, решивший иметь не только запасной план к запасному плану, но и запасную девушку к запасной девушке.

— Кто этот таинственный незнакомец? Кто мой тайный

поклонник? — истерично кричали девушки, судя по звукам, оттаскивая конкуренток. — Только она знает ответ! Ответьте, дорогая богиня!

— Число верующих равно пятьдесят шесть человек! — с удивлением в голосе заметило зеркало. — Из них пятьдесят пять женщин и один мужчина!

Мысль о том, что я могла ошибиться дверью, а природа с чьей-то ориентацией заводила меня в такой тупик воображения, что я яростно стучалась в дверь здравого смысла. Хотя... Постойте... А вдруг это старенький Император? Судя по портрету, у него любовь становится синонимом обширного инфаркта, а последний военный поход был в туалет. Он же, как мужчина, уже не по телам, а по делам должен ходить! По сугубо личным и очень неотложным!

— Дорогая богиня! — взмолился женский голос, пытаясь перекричать другие голоса. — Прими мои скромные дары! Дай ответ, кто он? Тот таинственный поклонник?

Я с грустью посмотрела на книгу «Сто двадцать рецептов семейного счастья», облизнулась при виде золотистой курочки на обложке, а потом взяла себя в руки.

— Зеркало, найди мне в радиусе километра от храма всех одиноких мужиков! — потребовала я, слыша писки и визги: «Нет, я первая!»

— В связи с тем, что количество верующих у вас теперь пятьдесят человек, вы можете объединять пары! Ваша сила

растет с каждым новым верующим! — странным голосом сообщило зеркало. Мне кажется, или оно на меня до сих пор обижается за букеты?

— Примите мои скромные дары!!! Только ответьте!!! — назойливо молили меня, а я посмотрела на курочку, сглотнула слюнку и согласилась. На всякий случай я даже отползала подальше, наученная горьким опытом.

Мимо меня пролетела буханка хлеба и колечко колбаски. Я почувствовала, как голодный дракон в моем желудке радостно заворочался в предвкушении отнюдь небожественного завтрака. Я бросилась поднимать хлеб и колбасу, как в меня прицельно полетел десяток яиц.

— Свои, домашние! — гордо пояснили мне, пока я стряхивала с себя слизь, кроша под ногами скорлупу.

— Благодарю вас, — кисло улыбнулась я, вытирая лицо и отметая скорлупу ногой подальше.

Так, все! Надоело! Мне в лицо полетела возмущенная курица, которая била крыльями и с негодованием кудахтала. А говорят, куры не летают! Еще как летают! Я ловила ее по комнате, но курица решила, что живой не дастся. В погоне за ней я завалила гору из хлама, которой впору дать поэтично-географическое название. Курица устала раньше меня и присела на обложку книги, нахохлившись. Хитрая богиня покралась к ней, делая коварное: «цып-цып», а потом бросилась на нее, схватила и швырнула обратно в зеркало праздновать свой второй день рождения.

— Так, надоело! — заявила я, стряхивая с себя перья и подходя к зеркалу. В меня полетело какое-то деревянное ожерелье, но моя рука ловко отбросила его в сторону, а оно пополнило гору мусора.

Я положила руку на круг, включила лепестки и божественный свет, с удивлением обнаружив, что теперь можно добавить какое-то божественное подвывание. В зеркале отражался храм, в который набилось пятьдесят женщин, не считая жриц. Все они с замиранием смотрели на свет, который льется над статуей. Так! А теперь добавим музыку и лепестки. Неплохо!

— Уууууу... Аааааа... — выл кто-то, создавая незабываемую атмосферу места, где волки вынуждены подвывать полушепотом.

— Она снизошла к нам! — закричали жрицы, падая на колени, пока им на голову сыпались лепестки. — Ептить! Капец-капец-капец!

Я торжественно прокашлялась, готовясь к проникновенной речи. А то сейчас как пояснят, как расшифруют...

— Дорогие мои девочки, — ласково произнесла я, глядя на сияющие женские глаза. — Я не принимаю дары курицами, свиньями, гусями, коровами! Зато я принимаю дары едой, одеждой, нижним бельем. Чистым! Еще раз акцентирую! Чистым и неношеным! Яйца принимаю, но только вареными...

Какая-то красавица с тугими каштановыми косами ожи-

вилась, чему-то обрадовалась, а я подозрительно посмотрела на притихшую толпу.

— Куриными, утиными, гусиными, птичьими! Только птичьими! — на всякий случай пояснила я, не понимая причину внезапного восторга. Радость внезапно померкла в глазах красавицы, а она вздохнула и поджала губы. В этот момент я поняла, что, видимо, есть еще дары, за которыми потом с криками прибегает окровавленный спонсор. «Свои, домашние...» — скромно заявляет девица.

— Да, богиня! Мы вас услышали! — закричали верующие, а я вырубила связь, глядя, как девушки бросились из храма с криками: «Богиня просила принести ей трусы!»

— Буду очень благодарна! — кисло улыбнулась я, глядя на ажиотаж. Нет, богиней быть совсем неплохо!

Я только собиралась смывать яичную маску, которая стекала с волос на глаза липкой слизью, толкнула дверь и... очутилась в спальне с вполне симпатичной кроватью! Странно, как я раньше ее не заметила? А может, ее раньше не было? Ничего себе! Нет, я точно уверена, что этой двери раньше не было.

— Все зависит от количества людей, которые верят в вас! Раньше это был роскошный дворец, а теперь две жалкие комнаты, — пояснило зеркало, пока я пыталась оттереть в ванной «свои, домашние» с волос и кожи. — Теперь вы можете вселять чувство в сердца людей! Стоит вам объединить два сердца — и возникнет влюбленность. Что-то сродни увлече-

нию!

В комнате послышался шорох, а я высунулась, пытаясь понять, что там происходит. В меня летела одежда, которой я несказанно обрадовалась. Минус заключался в том, что с размером пока не угадал никто! Огромное платье-шатер, трусы... Я сказала неношеные, а тут явно их сдирали в порыве страсти! И, возможно, даже зубами! Из вороха одежды я попыталась выбрать что-то поприличней и по размеру!

— Дорогая богиня! — умоляли меня, а я требовала у зеркала список заядлых холостяков района. На зеркальной поверхности высвечивались мужские имена.

— А теперь список всех девушек, которые сейчас находятся в храме! — потребовала я, разглядывая каждого кандидата. Отлично! Пойдет! Не гуляет и не пьет! Кто у нас тут дальше?

Я соединяла пары пальцем, ведя от одного имени к другому. Светящаяся линия объединяла два сердца влюбленностью, которая имеет все шансы перерасти в большое и светлое чувство.

— Дорогая богиня! — настырно умоляли меня, пока я отмахивалась «сейчас-сейчас!» Они могут мне не мешать? Так, кто у нас тут? О! Рыбак! Отлично! Дома всегда будет рыба! Пусть он идет к... Так, кому рыбака? Давайте к молочнице! Молоко и селедка — отличный ужин! Сойдет! Это у нас кто тут? Плотник? Чудесно! Его к цветочнице! Пусть организовывают похоронный бизнес! Семья не пропадет, если

что...

— Ну, скажите! — нудили и капризничали девушки. — Не молчите! Мне красивого! А мне умного!

— Девочки, — нервно обратилась я к ним, зная, что они меня не слышат. — Если я сейчас ошибусь, то потом сами будете любовный треугольник расхлебывать. Не сбивайте, а? Будьте же людьми!

— А он красивый? Скажите, дорогая богиня! Он умеет петь? — нудили пятьдесят голосов. — Он любит цветы?

— И петь, и пить... Он все умеет! Так, кто тут просил «петь»? — Я попыталась вычислить любительницу народного творчества, поскольку у меня есть отличный вариант — мужик, поющий в туалете! У него, кстати, неплохой тенор! Так, только бы не... Ай! Рука дрогнула, а я увидела любовный треугольник, состоящий из трех мужчин... Ну все, допелся в туалете кто-то! Теперь примета плохая будет...

— А как убрать? — озадаченно спросила я, понимая, что меня мучает беспощадная совесть. Могильщик, лепщик горшков и туалетный певец — отличный фатально-экскрементальный ансамбль.

— Никак... Само пройдет! Просто впредь будьте внимательней! — предупредило зеркало, а я сделала вид, что не имею никакого отношения к этому инциденту. Как вам не стыдно, мальчики! Фу, такими быть! Сколько у нас одиноких девушек осталось? Две? Отлично! Сейчас мы и вас пристроим! Ой, а у меня один мужик свободный остался. Види-

мо, за него придется побороться! А что? Любовь зла! Полюбишь и погонщика осла! А что? Все профессии нужны, все профессии важны!

Я включила режим света и лепестков, врубила музыку, увеличив ее громкость для пущей торжественности, а потом убавила ее, ведя пальцем по зеркалу.

— Ну что, дорогие девушки, — ласково произнесла я, глядя, как они застыли в ожидании чуда. — Скоро вы встретите того, кто в вас влюбится! Как только вы увидите его, то сразу поймете, что это — он!

Девушки визжали от восторга, прыгали, обнимались. Я улыбнулась, снова включая заунывную, но очень торжественную музыку на полную катушку. Счастливые красавицы расходились, мечтательно улыбаясь, как вдруг дверь храма открылась...

Я уже собиралась отключить зеркало, примеряя и сортируя обновки, как вдруг увидела мужской силуэт в черном плаще. Та-а-ак! Что-то в этот момент слегка тревожно съежилось, а новые трусы спали на пол.

«Ёптить!» — прошептала я, бросаясь к зеркалу.

Черный плащ стелился по полу, поднимая каждым взмахом лепестки роз. Я видела черный шлем с прибитой к нему короной, черный доспех, сверкающий, как обсидиан, и слышала лязганье оружия. Чуть позади, торжественно бряцая оружием и громыхая коваными сапогами, шли такие же консервные баночки, на которые впору лепить этикетки «сай-

ра», «сардина», «килька» и «тюлька». Но первым шел «тунец», решительно приближаясь к статуе. Я прищурилась, глядя на гостя, остановившегося возле статуи, потом посмотрела на испуганных жриц, которые спрятались кто куда.

Одним резким движением гость отбросил тяжелый плащ, поднимая вверх целый сонм лепестков, а потом гордо вскинул голову. Тунец!

— Ну что ж, маленькое привидение, — сквозь зубы процедил металлический голос. — Ну, где же ты?

Я включила музыку и свет, а через минуту по белоснежному храму разнесся мой сладко вибрирующий голос, повергая спрятавшихся за колонну жриц в религиозный экстаз.

— Ты звал меня? — спросила я, пытаясь придать голосу легкий флер загадочной надменности. Ну, правильно? Зачем ему знать, что в данный момент я сортирую трусы на три стопки, одна из которых носит условное название «чистые»!

— Ты всегда приходишь по зову? Мне кажется, что нет, — усмехнулся гость. Если честно, то он меня слегка пугает. Так, эти трусы с шелковой лентой-завязкой вполне милые, если бы не цвет переспелого помидора. Оставляем! — В свой сад и в свои покои я тебя не звал.

Кхе-кхе... А сейчас еще раз и с выражением!

— Верни указ! — процедил металлический голос, протягивая руку. — Верни мой подписанный указ, который ты забрала вместе с другими бумагами! Немедленно! Это — документ государственной важности! И можешь считать, что

цветы я тебе подарил!

Я сглотнула, отбрасывая очередное платье на четыре размера больше в стопку «выбросить по тихой грусти» или «дождаться, когда поправлюсь»!

— Я не помню никакого указа! — вздохнула я, глазами пробегая по комнате. Книги стояли на полке, корешок — к корешку. Корешки меня радовали, а вот вершки книг — нет. — С чего вы взяли, что он там вообще был? Может, вы его положили в какое-то другое место? Переложили случайно...

— Ищи немедленно! Или я не стану дожидаться. Ты знаешь, на что я способен, — процедил романтик, который только что подарил мне целое море цветов. Правда, подарок нужно было нарвать самостоятельно, под покровом ночи, но, видимо, романтика это ничуть не смущало.

— Хорошо, я у себя посмотрю! Одну минутку! — деловым тоном произнесла я, понимая, что романтик шутить не любит и в цирке не смеется. Я бросилась в сторону книг, глядя на закладки. Нет, здесь нет! Я вытряхивала каждую книгу в надежде, что выпадет тот самый указ, но тщетно. Я припомнила, что все листы, на которых писала записки, были чистыми. А вот это уже плохо.

— Ты там долго? — нетерпеливо произнес страшный голос, пока я зашла в свой санузел. Взгляд упал на стопку разорванной бумаги, бережно припрятанную на случай грядущих женских посиделок в скромном конференц-зале. «Да, дорогой! За мной не занимай!» — сглотнула я, перерывая

свои запасы. Наши отношения развивались стремительно. Вот уже от цветочно-букетного периода мы перешли к указательно-наказательному! Ой, чувствую, скоро они испортятся!

Среди обрывков была какая-то налоговая ведомость, с печатью. Я скромно осмотрелась по сторонам, понимая, что акция протеста против поднятия налогов превращается в смелый одиночный пикет.

— Я спрашиваю? Ты что там притихла? — произнес подозрительный голос, а у меня по коже пробежали мурашки.

— Эм... Я в облачках ищу... И среди роз смотрю, — надменно отозвалась я, заглядывая в туалетные недра и осторожно залезая брезгливой рукой в мусорное ведро. — Ох уж эти розы! Ну и запах!

— Я жду, — прозвучал металл в голосе, пока я разрывала мусорную корзину, доставая обрезки бумаги, ленточек и сломанные цветы, которые пришлось выбросить.

— Сейчас я посмотрю свои драгоценности, — пренебрежительным голосом произнесла я, вытряхивая мусор на пол и перерывая его с особой тщательностью. — Нужно проверить все дары!

Нет, а что? Или пусть все знают, что богиня сидит на полу в маленьком санузле, разрывая мусор? О! А это что у нас! На самом дне корзины лежал снулый и уже подгулявший лещ, которого я бережно завернула в...

Ай-я-яй!!! Ой-е-е-ей!!!

В моих руках была почти разорванная на две части бумага, пропитанная рыбьим жиром и благоухающая так, что все коты окрестностей заинтересованно замяукали, принюхиваясь. Она сохранила лишь одно заветное и пока еще читабельное предложение: «Указ его Величества, Императора Эзры...». Я держала двумя пальцами мокрую и жирную бумажку, часть которой объявила о своей автономии в момент изъятия, шлепнувшись на пол.

— Считаю до трех, — послышался зловещий голос из зеркала. Я бежала в комнату, неся свой клад и брезгливо отворачиваясь. Так! Нужно как-то ее высушить! Я скребла со стены алебастр, посыпая жирные пятна, потом сбегала за пузырьками. В одном из них было какое-то подобие клея, а в другом розовая вода. Ничего! Сейчас будет как новенький!

Я сдула алебастр, понимая, что вид у бумаги не изменился. Как была жирная, так и осталась! Схватив клей, я попыталась склеить два куска, опасливо поглядывая в сторону зеркала, где уже слышалось требовательное и многообещающее «два!» Клей тек на пол, но половинки кое-как держались. Я дула на них, а потом брызгала духами, надеясь на то, что Император помнит о том, что было написано в документе. Клей подсох, а я осторожно погрузила документ в зеркало. Прямо рядом со статуей шлепнулась бумажка.

Император наклонился, поднял бумажку рукой в черной перчатке и принялся рассматривать. Нет, императорская печать наверняка уже была поплывшей! Я сделала все, что мог-

ла...

— Это — не тот документ. Это — черновик, — процедил Император, а я поджала губы. — Ты что? В него рыбу заворачивала?

— Как вы могли такое подумать! — гордо ответила я, глядя на леща и капли клея на юбке. — Это — новые божественные благовония.

— То, что это «вония», я уже понял, — с надменной насмешкой вздохнул Император, отворачиваясь. — Где указ? Я тебя спрашиваю! Чем дольше я здесь стою, тем сильней мое желание положить конец твоему безобразию.

— Мое безобразие вполне неплохо себя чувствует и без вашего конца! — занервничала я, бегая по комнате. — Так что можете его не доставать!

За двадцать пять секунд в моей скромной божественной обители была сделана уборка с намеком на генеральную. Книги стояли на полочках, тряпки и белье лежали в стареньком шкафу, обнаруженном под грудой мусора. Два драных и ношеных платья превратились в мусорные мешки.

В отчаянии я полезла рукой под шкаф и нащупала несколько скомканных бумажных шариков. Я развернула один из них, потом второй, а потом третий. Указ что-то там с чем-то там... Две печати! Отлично! Я пыталась разгладить его, но пока что безрезультатно.

Я схватила с полки книги, придавив стопкой указ и усевшись сверху на него. В комнате царил относительный поря-

док, чего не скажешь про храм, где уже началось какое-то нехорошее движение.

Так, мужик, я не поняла! Еще одна попытка перевернуть священную чашу с какой-то ерундой, и ты узнаешь, что такое любовь зла! Император, влюбленный в козла обязательно войдет в историю!

— Держи свой указ! — Я бросила его в зеркало, глядя, как воины по велению руки, обтянутой черной кожаной перчаткой, застыли на местах. В абсолютной тишине Император склонился, отряхнул бумажку от лепестков, поднял ее и посмотрел на статую. Он молчал, а я слышала нехорошую усмешку в тишине.

— И где же он был? — произнес холодный голос.

— Там, куда я тебя пошлю! — огрызнулась я, стряхивая с себя пыль, ставя книги на полку и переводя дух.

— Надеюсь, что ты помнишь о нашем уговоре. Я дал тебе второй шанс. Еще одного шанса давать не буду! — в тревожной тишине произнес Император, расправляя рукой документ. — У тебя осталось меньше месяца! Я жду.

— Напомни, о чем мы договаривались? — поинтересовалась я, закусывая губу и морщась, как абрикосовая косточка. — Просто у меня столько... эм... дел...

— Ты издеваешься? — резко произнес голос в тишине. — Она не помнит! Уничтожайте храм!

Жрицы ютились за колонной, повторяя: «Ептить! Ка-

пец-капец-капец!» Старая жрица закрыла глаза в молитвенном экстазе. «Молю тебя, богиня, пусть в этот раз они все-таки изна...»

— Все-все-все! Вспомнила! Ну конечно помню! — заявила я уверенным голосом, глядя, как жест снова остановил вандалов. Теперь осталось выяснить, что именно я помню.

Рука Императора застыла в воздухе, а солдаты замерли на своих местах. На полу плескалось море лепестков, подмывая черный плащ. В интеллектуальных способностях Императора я не сомневаюсь. Как можно сомневаться в том, чего нет? Ругаться с богиней любви? Ну-ну...

Я терпеливо ждала, когда Его Величество покинет храм, а потом взяла с полки книжку, чтобы вдохновиться перед пакостью. «Его разъярённая вагонетка вошла в темный пушистый туннель сладострастия! Чух-чух! — тяжело дышал Джеймс». Мужик, твой поезд ушел! Если ты издаешь такие звуки, то поверь, тебе пора в депо. Ничего! Сейчас мы сделаем так, что Император от нас отвяжется! Еще и благодарить будет!

— Ближайший козел есть? Я же могу заставить козла влюбиться в другого козла? — поинтересовалась я у зеркала, мечтательно созерцая появившуюся в воображении картинку.

— Вы не имеете власти над Императором. Как бы вы ни хотели, он не подвластен магии любви! — уныло затянуло зеркало. — Он бросил вызов богам, уничтожил всех, кро-

ме вас, сумел пойти наперекор судьбе и занять престол. Его судьба принадлежит только ему.

Глава третья.
Выполнить и наложить!

Я расхаживала по комнатушке, пока зеркало уверяло меня, что ничего не знает о договоре! Нет, оно знает, что есть какой-то договор, но о чем он, стекляшка не в курсе. Зато оно, радостно сверкнув солнечным зайчиком, сообщило, что мне дали месяц!

— Император построил десятки храмов богини любви, — мечтательно затянуло волшебное зеркало, видимо, вспоминая лучшие времена. — Десятки тысяч верующих каждый день приходили в эти храмы! Это были чудесные времена! Да! А потом однажды он пришел и с криком, что сроки прошли, разрушил все храмы, кроме одного! Он запретил поклоняться богине любви!

Ага, и издал указ, что нельзя заниматься любовью! Эх!

Я кисло осмотрелась. Чего может хотеть от богини среднестатистический мужик? Увеличение мужского достоинства без операции, строго конфиденциально с гарантией? Самую красивую женщину на свете? Личную встречу, чтобы поставить самодовольную галочку в списке тщеславных мужских побед? Гарем на четыреста мест, укомплектованный писаными красавицами? Самого красивого мужика на свете? «И роди богатыря мне к исходу сентября!» — пронеслось в го-

лове и тут же дополнилось. — «Чтоб царю мне угодить, нужно завтра мне родить!»

Вариантов было много, а я задумчиво жевала колбасу, вприкуску с хлебушком, поглядывая для поддержания аппетита в книгу рецептов, где были нарисованы хрустящие окорочка с дорожкой нежного соуса.

Зеркало пошло рябью, а я присмотрелась, понимая, что это — снег. В заснеженной местности, в сугробе по колено стоял одинокий путник. Он был слегка заросшим и помятым. В руке путника была сломанная палка, неподалеку, возле подозрительной проталинки, от которой поднимался пар, валялся дохлый волк. Молодец! Справляется!

Я думаю, что стоит проверить свои догадки относительно Императора!

— Зеркало! Список всех одиноких девушек, которые еще не нашли свою любовь! Сейчас они ее быстро найдут! — злорадно улыбнулась я, облизывая пальцы и закрывая книгу. — Найдут, достанут, поймают и разорвут на сувениры!

Сотни имен высвечивались одно за другим. Наш Император теперь не то чтобы невыездной, он тебе даже не выходной из дворца!

— А теперь все дружненько! — Я сдула рыжую прядь волос, коварно осматриваясь по сторонам. — Во дворец! Там вас ждет большая и чистая любовь!

— Богиня! У вас не хватит сил! Верующих слишком мало! — забурчало зеркало, пойдя трещинками. — Вы не смо-

жете одновременно влюбить столько человек!

— Сил не хватит, зато ума хватит! Воспользуюсь старой доброй бюрократической магией! — небрежно заметила я, вспоминая королевскую печать в левом верхнем ящике стола. — Делай меня невидимой! Мне нужно во дворец!

— Это — плохая идея, — снова заворчало зеркало. — Вот зачем вы ищете неприятности!

— Как зачем? — удивилась я, вспоминая то, как со мной разговаривало одно величество. — Чтобы найти неприятности и перепрятать!

Через пару минут препирательств зеркало решило сделать мне одолжение и выбросило меня в роскошный коридор. Я осмотрелась по сторонам, кривясь от такого пафоса и шика. Мне кажется, что после того, как архитектор закончил работу над этим коридором, при слове «золотые вензеля и завитушки» он резко бледнел, надувал щеки и отпрашивался ненадолго «по делам». Все вокруг было сделано из белого мрамора, а каждый архитектурный элемент был щедро украшен золотыми вензелечками. Алая ковровая дорожка, добротно утоптанная с момента последней чистки, вела к роскошной двери. На стенах красовались золотые подсвечники, выполненные в едином стиле с отполированными дверными ручками. Ляпота!

Я слегка приоткрыла дверь, а потом услышала голос и отдернула руку. Занято! Ну что ж... Подождем!

— Ваше Величество! — произнес какой-то «козлотон», а

потом с извинением прокашлялся. — До нас дошли слухи, что герцог Альванский хочет выйти вместе со своими землями из состава Империи.

— Он только замуж выйдет из состава Империи, — послышался холодный голос, который я узнала по знакомому холодку, пробежавшему по спине. — Передайте ему, что еще одно такое заявление, и у него первая брачная ночь состоится на колу!

Я слышала, как шаги приближаются к двери, поэтому отошла от нее подальше.

— Отставить меня в покое. Подготовить отчет о налоговых поступлениях в казну. Отчет про обмундирование армии. Отчет об урожае, — послышался знакомый голос близко-близко, а я почему-то занервничала, глядя, как повернулась золотая ручка. Дверь открылась, а я замерла, глядя снизу вверх на высокого, темноволосого мужчину, стоящего передо мной вполоборота, отдающего приказы.

Император меня не видел, но я отчетливо видела его. Лицо, словно высеченное из белого мрамора, четкие скулы, нервно искривленные губы, большие, почти прозрачные, серые глаза, спрятавшиеся под хмурыми черными соболиными бровями. Ненавижу такие глаза. Слишком светлые, слишком ясные, слишком холодные. Стоит только заглянуть в них, как создается странное чувство, словно ты стоишь на коленях, вокруг стынет туман, прикрывая грязный весенний лед, а над твоей головой завис серебристый, тяжелый меч палача.

Я рассматривала его, чувствуя смесь какого-то панического ужаса и благоговения, взявшуюся невесть откуда и ранее в моей душе не замеченную. Черный бархат складками облегал его фигуру. Его рука лежала на золотой ручке, задумчиво проводя линию по ее изгибу. В этот момент мне казалось, что именно так потирают клинки, перед тем, как вонзить их во врага.

— Предупреждение герцогу выписывать с тяжкими телесными повреждениями? — учтиво уточнил моложавый и подтянутый мужик с явной проседью, с болезненными синяками под глазами и макияжем «Недосып» или «Перепой». Они прошли немного вперед и остановились.

— Нет. Пока что без, — ответил Император с металлом в голосе, а я видела, как его пальцы задумчиво и как-то нежно гладят мраморную колонну. — Но так, чтобы он понял, что договоры, подписанные со мной, обещания, данные мне, никогда не нарушаются безнаказанно.

Я застыла на месте, боясь даже шелохнуться, глядя, как Император идет по коридору. В какое-то мгновение он был так близко, что его волосы коснулись моей щеки. Я нервно выдохнула, глядя, как вслед за ним семенит мужик со стопкой документов, ворча себе под нос, что вторую вспышку императорского гнева он не переживет.

Терпеливо дождавшись, когда они скроются из вида, я прошмыгнула в комнату, глядя на стопку белой бумаги, новую чернильницу и ящик стола, который уже был открыт, яв-

ляя миру императорскую печать. Печать была в золотом футляре с пояском из драгоценных камней. Я молча проштамповала десяток чистых листов, глядя, как на одном из них печать слегка поплыла. Обмакнув перо в чернила и тревожно поглядывая в сторону двери, я стала писать по образцу, который стащила из соседней стопки с росчерком «выполнить и доложить».

«Указ его Величества Императора Эзры...» — шепотом проговаривала я, снова вслушиваясь в тишину коридора. От какого числа? Когда мужику приспичило жениться? От сегодняшнего! Главное, чтобы жених не знал, что его тут женить собрались! А что? Значит, как храмы разрушать, так молодец! Ничего! Заживет твоя самооценочка до свадьбы! Я ее тут повышать собираюсь! Возраст невест какой указываем? От совершеннолетия до шестидесяти включительно! Нет, ну а вдруг какой-нибудь бабушке повезет? Откуда я знаю его вкусы?... Эм... Собраться возле дворца завтра утром. Морда — парадная, одежда — нарядная, выражение лица — дебильное, взгляд — любвеобильный! Готово! А потом я вздохнула и, высунув язык от усердия, дописала: «Девушки с ПМС пропускаются вне очереди!»

Я осмотрелась по сторонам, а потом изобразила размашистое и пафосное «выполнить и доложить!» Указ спрятался в стопке других, а я осторожно вытерла кляксу со стола, положила перо на место, заправила печать в футляр, вернула ее на место и забрала пустые бланки с печатью.

— Удачной охоты, девочки, — гаденько улыбнулась я, пытаясь отогнать от себя взгляд холодных и жестоких глаз, которые смотрели так, словно твердо решили улучшить показатели смертности в Империи за мой скромный божественный счет.

Я спокойно собрала бланки, вышла в коридор, изображая сквознячок, прикрывающий двери. А что? Дворец не вчера построен! Мало ли какие сквознячки тут гуляют?

Неосторожно обернувшись, я чуть не столкнулась с Императором нос к... груди. Я застыла, осторожным крабиком отползая в сторону и следя за тем, как он разговаривает со слугами, положив руку на дверную ручку. А что если улучить удобный момент, подойти к нему и напрямую спросить о договоре? Идея мне понравилась!

Я смотрела, как его величество отсылает слуг и дергает дверь на себя. Стража встала почетным караулом возле двери, а сама дверь с грохотом захлопнулась, оставив меня в коридоре. Я осторожно приоткрыла дверь, заставив охрану вздрогнуть и нервно осмотреться. «Стой! Кто идет?» — сурово спросил молодой стражник в надежде, что ему ответят и отчитаются. «Никто не идет. У вас Император — идиот!» — закатила глаза я, осторожно просачиваясь в щель.

В смежной с кабинетом комнате было тихо, а я приоткрыла дверь и увидела черное кресло с высокой спинкой, огромное окно, занавешенное темными шторами, белые стены без каких-либо украшений, кроме картин в черных рамах. Мои

шаги по мягкому ковру были почти не слышны, а к ничего не подозревающему мужику приближался божественный писец. В какой-то момент дрогнул даже осторожный писец, прикинув на всякий случай расстояние вытянутой руки.

— Я хочу спросить тебя, — прошептала я, набравшись смелости и склонившись к его уху. — Что я тебе пообещала?

Император резко обернулся, его рука сжала ручку кресла, а холодный взгляд полоснул меня, словно лезвие клинка. Он не видел меня, но я чувствовала, что не бывает внезапных неприятностей. Просто бывают богини, которые медленно бегают!

— Еще одно твое слово, — услышала я тихий и страшный голос, не предвещающий ничего хорошего девушкам, которые не любят грубый секс. В тот момент, когда его рука сжала ручку кресла, мне почему-то показалось, что это — вовсе не ручка, а мой трепетный и похолодевший филей. — Еще одно слово и твой храм будет полыхать пламенем... Сколько раз ты уже забывала! Сколько раз я это слышал! Мне уже надоело! Не испытывай мое терпение, богиня!

— Я просто хочу поговорить, — осторожно заметила я, опасливо поглядывая на его бледный профиль. — Когда в меня почти перестали верить, я потеряла память...

— Ты потеряла не память. Ты потеряла две очень важные вещи. Совесть и мое расположение! — с усмешкой произнес Император, а я сглотнула, пытаясь понять, что он от меня хочет? Что я могла ему пообещать? — Но сначала ты поте-

ряла совесть. Я сколько раз просил тебя... Я даже стоял на коленях перед твоей статуей... Что ты мне ответила? Ах, я забыла! Замоталась! Погоди немного, я займусь твоим вопросом. Обещаю! Честно-честно!

Я так понимаю, что в битве самооценок моя начинает резко проигрывать.

— С тобой невозможно разговаривать. Как не придешь, ты вечно что-то жрешь! Говоришь с набитым ртом! А потом: «Да-да! Конечно! Я все вспомнила! Подожди пару дней! Главное, не нервничай!» Так что вон отсюда! Не испытывай мое терпение! — рявкнул Император, опустив голову и поглаживая лоб пальцами.

— Я честно не помню... Как же ты не понимаешь, — шептала я, но он резко встал с кресла. На всякий случай я отошла подальше.

— Еще одно слово... Еще одно слово, богиня, и уничтожу тот последний храм, который построил тебе! Вон отсюда! Убирайся! — процедил Император, а я очень понадеялась, что его просьбой было повышенное женское внимание к его нескромной амбициозной персоне.

Он снова упал в кресло, а я украдкой положила руку на красивое прямоугольное зеркало в черной раме, чувствуя, как плывет под ладонью холодная зеркальная гладь. Да, тяжело нам с тобой будет! Тебе со мной точно!

Обиженная и разгневанная, я очутилась в своей комнате, прижимая к груди бланки, которые бережно сложила на пол-

ку. Нет, второй раз я так рисковать не хочу! Что там еще? Я обернулась на внезапный женский крик, который доносился из зеркала.

— О, богиня! Насилуют!!! Насилуют!!! Девственности лишают!!! — орало зеркало задыхающимся женским голосом. — Да, милый, да! О, богиня! Как же это приятно!

А! Тут по любви... Все нормально. Я задумчиво отломала хлебушек, выложила на него колбаску и стала грустно жевать, подтягивая трусы на ленточках! Так, что мы еще не смотрели? «Тушеный заяц», — подсказало оглавление, пока у меня на грудь сыпались крошки, а я любовалась роскошным блюдом, пережевывая свой обед.

— Ёптить! Капец-капец-капец! — внезапно послышалось хоровое пение из зеркала, перебивая чей-то порочный экстаз. Я увидела розовый храм, стоящих на коленях жриц, и несколько пар трусов и какой-то облезлый парик. — Откликнись, дорогая богиня! Мы принесли тебе дары!

Я экстренно пережевывала и проглатывала содержимое щек, чтобы ответить. Пока что к радости верующих, коих явно прибавилось, на них летели лепестки под божественное вытье какой-то очень голодной собаки. Погодите! Сейчас дожую! Одну минутку!

— Доброе время суток, дорогие мои! — ласково произнесла я, чувствуя, как начинаю икать. — Ик! Ой! Что у нас... Ик! На этот раз?

Внезапно старшая жрица встала, гордо вскинув голову, а

на нее тут же уставились все жрицы в розовых туниках, жадно ловя каждое слово.

— Богиня сказала, что страдает! Она страдает от наших пороков! Мы не умеем ценить дары ее! И теперь она гневается на нас за то, что мы пренебрегли ее даром! — Старуха смотрела поверх покорно склоненных голов. — Истина в том, что все мы — рабыни любви!

Отлично, молодец! Выпишу тебе премию! Старую жрицу уже несло в дебри диалектического материализма, а я бросила трусы и парик в шкаф. Откуда ни возьмись, у меня появился еще один шкаф! Уходила — шкаф был один, а теперь два! Мама-шкаф и детеныш-шкафчик.

Я задумчиво осмотрела свой интерьер, понимая, что, если ночью меня приспичит в туалет, есть вероятность перепутать двери и обзавестись пятном на божественной биографии. Непорядок! Я впряглась в шкаф, чувствуя мучительные приступы икоты. Шкаф с божественной помощью уже дополз до середины комнаты, а я упиралась ногами в пол, толкая его спиной.

Из зеркала раздался детский голосок, а я посмотрела в зеркало... Маленькие ножки бежали по храму, а я своими глазами видела простоволосую девочку в старом платье, которая шлепала босиком по плитам из розового мрамора.

— Здесь живет великая богиня? — пропищал ребенок, восторженно глядя на статую и лепестки. — Скажите мне? Можно с ней поговорить? Мне очень-очень надо!

— Дитя мое, — ласково заметила старшая жрица, выходя к ней и положив руки на хрупкие детские плечи. — Богиня не может разговаривать с каждым! Ты скажи нам, что тебя тревожит, а мы попробуем...

— Ик! — вырвалось у меня, когда я устало привалилась к деревянному чудовищу. — Подойди сюда, дитя! Ик! Что тебя тревожит?

— Статуя! Статуя разговаривает со мной! — задохнулась девочка, которую жрицы подвели к статуе. А у меня что? Закончились лепестки? Ладно, давайте без них...

— Устами статуи с тобой говорит богиня! — пояснила старшая жрица, а малышка с открытым от изумления ртом смотрела на мою статую. — Великая, могущественная, прекрасная богиня любви!

Ага, очень могущественная! Сейчас отдохну и еще раз проявлю могущество!

— Сама богиня? — удивилась девочка и тут же упала на колени, сложив ладошки на груди. — Дорогая богиня! Помоги моей сестренке! Она находится в рабстве у некроманта! Спаси ее! Умоляю! Он никуда ее не выпускает! У меня кроме нее никого нет! Спаси ее, дорогая богиня! Мою сестру зовут Нинэль! Я очень-очень прошу тебя! Я так по ней скучаю!

— Я постараюсь помочь, — мягко произнесла я, глядя на слезы, застывшие в глазах ребенка. — Я обещаю, что попробую помочь!

— Помоги!!! — захныкала девочка, а ее губки задрожали. — Никто не может ей помочь. Мне сказали, что нужно помолиться и принести дары, но у меня ничего нет! Прости меня, богиня! Хотя! Погоди! Вот...

На пьедестал легла ниточка с деревянными бусами, а ребенок пододвинул их к статуе, благоговейно опустив голову. «Только бы приняла! Только бы приняла!» — шептала девочка, с надеждой глядя на свой подарок. У нее был смешной, вздернутый носик, усыпанный целой поляной веснушек, светлые, почти белые волосы и голубые глаза. «Только бы приняла!» — шмыгал носик, а я с умилением смотрела на нее.

— Дорогая моя... — Я подавила икоту и принялась искать что-нибудь, что могла бы дать ей. Мой взгляд упал на какой-то тоненький золотой браслет, который валялся на полке.

— Вот! — Я бросила его в зеркало, видя, как он опускается на пол в розовом сиянии. — Возьми! Это мой подарок тебе. Я постараюсь помочь твоей сестренке...

Ребенок плакал от счастья, прыгал и любовался браслетом, пока жрицы затянули свою молитву — убийцу моих нервных клеток. Так! Шкаф у нас отодвигается в расписании. Пойдем искать рабовладельца. Ничего! Сейчас узнаем, кто тут у нас лучший работодатель года!

— Покажи мне Нинэль! — потребовала я у зеркала, а оно тут же пошло ртутной рябью, вырисовывая образ полненъ-

кой, симпатичной девушки с милейшим личиком, светлыми кудряшками, выбившимися из прически и огромными голубыми глазищами. Когда она улыбалась, у нее на щеках появлялись аппетитные ямочки. Мне кажется, что мужчины должны быть без ума от такой очаровательной пухляшки!

На Нинэль было серое платье и передник, волосы были сплетены в тугую косу. Она стояла возле какого-то чана и мыла посуду, мурлыкая какую-то незамысловатую песенку. Мимо шел высокий, худой и бледный мужчина, нес в руках книги и свитки и бухтел, что у него ничего не выходит. Нинэль подняла на него взгляд, преисполненный той мечтательной задумчивости, которая сопутствует тяжелой степени тайной безответной влюбленности.

Тарелка выскользнула из ее мокрых рук, упала на пол и разлетелась вдребезги. Что тут началось! Нинэль собирала осколки, мужской голос орал: «Ну сколько можно! Что ж у тебя все из рук валится!» Пока Нинэль оправдывалась, она перевернула огромный чан с помоями, вызвав страдальческое: «Аааааа!!! Все! Конец моему терпению! Завтра я ищу новую служанку! Я не шучу!»

Я видела, как над ее головой проступает сердечко с чужим именем. Годрик... Годрик... Так вот оно что! Ай-я-яй! То есть, она влюблена в своего хозяина? Так, а с некромантом у нас что? Над его головой стоял мрачный крестик.

— А что означает «крестик»? — поинтересовалась я у зеркала, глядя на бледное нездоровой бледностью лицо

некроманта и глубокую мужскую обиду на все живое.

— Крестик означает, что вы не сможете его больше влюбить ни в кого при помощи своей силы! — терпеливо пояснило зеркало. Я пыталась исхитриться и стереть сердечко над головой Нинэль, глядя на хмурое лицо возвышающегося над ней некроманта.

Зеркальная гладь всколыхнулась, а я услышала гневный голос зеркала.

— Я понимаю, что вы — богиня, а я вынужден вам служить, но вы же сами так захотели! Я вас предупреждал! Предупреждал! И теперь вы хотите убрать то, что сделали сами! — возмутилось зеркало, утробно вибрируя. — Я говорил вам, что последствия необратимые! Но вы мне тогда что ответили? Вспоминайте!

— Я ничего не помню! Я не помню, что делала! Мне что? Табличку на себя повесить: «Не помню, что делала неделю назад!»? — раздраженно заорала я, глядя, как некромант отчитывает Нинэль, а она прячет глаза, собирая окаянную тарелку. «Да я за тебя богине отдал целый мешок золота! А ты не стоишь и ломаного гроша!» — в гневе кричал некромант.

Я прислонилась к шкафу, пытаясь понять две вещи. Чем я думала в этот момент и где мой мешок золота? Мне кажется, что именно так сходят с ума! Дорогой Император, подвинься на скамеечке под табличкой «Депрессия и разочарование». Спасибо, ты как истинный мужчина, нагрел мне теплое место. Премного благодарна.

Некромант тем временем поднялся на третий этаж, обещая себе, что завтра же найдет новую служанку, а эту вышвырнет на улицу. Он упал на кровать, накрыл голову одеялом и уснул.

— Я хочу попасть в его сон! Мне нужно с ним поговорить! — потребовала я, расхаживая по комнате и водя нервные хороводы вокруг шкафа.

Зеркало завибрировало, открывая мне путь в чужие сновидения. Оно обиженно молчало, а я шагнула в туманный коридор. Розовые клубы тумана обволакивали меня, а через мгновенье я увидела какое-то мрачное кладбище, полное старых надгробий. Возле одного из них возвышалась груда свежей земли, и валялся пустой мешок.

— Годрик, — позвала я, глядя на бледное лицо трупного археолога, который высунулся из могилы. — Годрик!

— А! — как-то неприятно усмехнулся некромант, оглядываясь по сторонам. — Это ты, да? Наконец-то ты меня услышала! Я уж думал, что ты не придешь. Где мои деньги, богиня?

— Эм... Какие деньги? — спросила я, чувствуя, как где-то на половине зевка насторожился Император, почесывающий свое мужское самомнение моей самооценочкой.

— Не притворяйся дурой, — скривился некромант, стоя в тумане. — Ты знаешь прекрасно, что я не мог найти служанку. Никто из местных не хотел ко мне идти. И ты сама предложила мне помощь в обмен на мешок золота, который я по-

жертвую в храме. Ты сказала, что ко мне придет девушка, будет работать на меня бесплатно до самой смерти. Ты рассказывала, что она — отличная служанка! Но ты меня обманула! У меня не осталось ни одной целой тарелки, суп вечно пересолен, есть невозможно, она вечно ничего не успевает и причитает, что устала! Я требую обратно свои деньги. Ты забираешь свою девку, а мне либо деньги, либо новую! Нормальную!

— Хорошо, — согласилась я, подбивая свой бюджет. Трусами и платьями он не возьмет, так что придется ему предоставить новую рабыню. — Завтра к тебе придет девушка и попросится на работу.

— Совсем другой разговор! Утром вышвыриваю твою предыдущую девицу! — довольно усмехнулся некромант, а я стратегически отступала, пока не очутилась в своей комнате, нервно сглатывая.

— Вы — чудовище! Еще одну невинную жизнь хотите загубить! Только попробуйте! Я больше вам помогать не буду! Если вы продадите в рабство еще одну девочку, то я разобьюсь! — орало зеркало так, что у меня от его криков звенело в ушах.

Я открыла шкаф, вытаскивая самое старое платье, которое хотела выбросить. Обуви нет, так что придется босиком.

— Завтра я сама пойду к нему рабыней, — вздохнула я, прикладывая платье к груди и глядя на себя в застывшее от изумления зеркало. Так что я теперь богиня для некроманта!

Все, милый мой, познается в сравнении! Суп ему, видите ли, пересолен!

Я поплелась в комнату, упала на кровать, понимая, что завтра меня ждет собеседование с будущим рабовладельцем! Ничего! «Пссс! Мужик, я от богини!!!» — мысленно подмигивала я, представляя лицо некроманта. Я закрыла глаза, а передо мной появился холодный взгляд Императора, предвещающий мне посмертные почести. Может ну его, тот приказ? Возможно, я слегка погорячилась? В свете последних событий, мне казалось, что память у меня отшибло от удара по голове за все хорошее.

Совесть заставила меня открыть глаза, подняться и поплестись к зеркалу. Зеркало ворчало, мол, чувствует себя разбитым, но мою просьбу перенести меня невидимой во дворец выполнило.

Очутившись в темном и пустом кабинете, я бросилась к столу, судорожно копаясь в чужих бумагах. Вдруг успею... Уже не «вдруг»! Стопки приказов на исполнение уже не было. Оставалось утешать себя тем, что повышенное женское внимание всегда льстило мужской самооценке!

Я подумывала уйти, но почему-то меня манила приоткрытая дверь, откуда доносились стоны. У нашего венценосного друга наладилась личная жизнь? Что ж так жалобно-то, а? Судя по звуковому сопровождению, для кого-то это — соитие, а для него — событие. Странно, почему стонет только он? Она точно жива? Хорошо! Спросим по-другому! Там их

точно двое? Пока воображение рисовало ужасающие картины унылого бревна и активного дятла, любопытство требовало удовлетворения.

— Любимая... — послышалось из комнаты, разжигая мой интерес. Интересно, с каких пор меня начала интересовать его личная жизнь? Хотя, в чем проблема? Я же богиня любви!

Я, осмотревшись по сторонам, приоткрыла дверь и шагнула в темные покои. Возле стены стояла огромная роскошная кровать с балдахином, тусклый свет пробивался сквозь тяжелые, сомкнутые занавески с дорогим рисунком. Мои осторожные шаги по мягкому ковру были почти не слышны. Я подкралась к спящему, видя, как его черные волосы разметались по подушке, а губы приоткрылись, едва слышно шевелясь.

— Любимая, — шептал он во сне, а по его щеке скатилась слеза. — Прошу тебя... Не молчи... Я больше так не могу... Я пытаюсь согреть твои губы и ледяные руки... Почему они у тебя такие холодные... Ты же знаешь, я готов отдать все, что у меня есть, лишь бы почувствовать твое прикосновение... Побудь со мной... Не уходи... Не рви мне сердце, от него мало что осталось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.